

Мустай КАРИМ

— 9 октября 1981 г., «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ», № 41 (1977).

Сказка —
продолжение
жизни

Когда с человеком ты рядом прожил более сорока лет, в том числе целых два года с ним провел на фронте, то трудно выбрать самые главные моменты из его жизни, самые существенные черты из его характера. Ты его воспринимаешь всего целиком — без частностей. Тем более, особо счастливые и особо горестные часы по-настоящему ведомы только ему самому. Он никогда не восклицал при мне, что счастлив, и ни разу вслух не жаловался, что нет счастья.

Живет в Уфе такой писатель — драматург и публицист Габдулла Ахметшин. Он на миг остановился у придорожного столба с отметкой — 60. В руке у него сборник его пьес под светлым названием «Подвенечное платье» — частичный итог его сорокалетней работы.

Восемнадцатилетнего бойкого журналиста Габдулла Ахметшина я впервые встретил в редакции башкирской детской газеты еще до войны. Как бывает в юности, встретились и подружились. Писал он много — стихи, рассказы, статьи. Кроме того, по нашему тогдашнему мнению, занимался весьма аристократической забавой: брал уроки игры на фортепьяно у известного композитора Хабибуллы Ибрагимова. Мы открыто и едко посмеивались над ним: «Куда ты метишь, отпрыск сапожника Габдрахмана?» Он знал свое и все бойчей ткал пальцами на чернобелых клавишах композиторского пианино.

Это его умение мы никогда всерьез не принимали. Но однажды он так блеснул, что я был ошеломлен. Это случилось в конце мая 1945 года в Вене. Наши друзья по фронту болгарские писатели Младен Исаев, Иван Мартинов, Ламар приехали из Венгрии тогда к нам в гости. К нам — это журналистам многонациональной фронтовой газеты «Советский воин». В моей комнате образовалось веселое застолье. Пригласили соседей по дому — двух итальянцев без определенных занятий, старую австрийку, хромого поляка и еще кого-то. От имени присутствующих серьезно-шутя приняли свою «Венскую декларацию о Мире». Для хранения документ был вручен Младену Исаеву. Может, он в сохранности и поныне?

Была густолунная ночь. Николай Атаров распахнул окно:

— Вон в том доме, наискосок через улицу, Бетхоген написал свою «Лунную сонату».

И через открытое окно будто поплыли к нам лунные звуки. Застолье вдруг затихло. Ахметшин молча встал и, взяв стул, подошел к давно молчавшему пианино, осторожно открыл крышку.

— Исполнил бы вам «Лунную сонату», жаль, нету нот, — без меры хвастнул он. — Я сыграю «Марш Салавата». Он посвящен великому башкирскому герою. «Декларация» должна быть утверждена исполнением гимна.

С вдохновением и удалью он начал импровизировать наш знаменитый марш. Его аккорды тотчас же устремились навстречу бетховенским октавам. Он сыграл еще несколько башкирских и татарских мелодий. Игра дилетанта восхитила всех, особенно гостей. Просили его еще и еще... Габдулла в эти минуты стал властелином наших чувств. Он был в ударе. Казалось, под-

Габдулла АХМЕТШИН

задорь его немного — он за- просто сыграет и «Лунную сонату». Так и сыграет. А я вчера из-за пустяка еще его и ругал... Пойти извиниться, что ли...

Вот он, такой молодой и стройный, такой беспомощно-нежный, стоит у замолкшего инструмента. Вдруг первый раз в жизни я задумался о нем. За эти четыре долгих года войны где только он не был! Штурмовал ледяные утесы Заполярья, в кровавых боях прошел Украину, в числе первых переплыл Днепр. Получал ранения и боевые награды и потом, будучи военным журналистом, бросался на пылающие участки, на опасные плацдармы. А человечность его... Говоря языком окопников, он всегда был готов принять в себя вражескую пулю, предназначенную товарищу. Он не уставал, не болел, не роптал потому, что другие могли заболеть, уставать, ослабеть духом — он должен быть готовым на выручку!

А я вчера вечером его отругал за то, что он с бродячим турком-старьевщиком не ко времени пировать вздумал. Какая чепуха! Бог с ним, с этим турком. Непременно извинюсь перед Габдуллой, только утром, на свежую голову... Осенью прошлого, 44-го года, когда я заболел желтухой, он ночами просиживал у моей постели. Тогда он не спеша рассказывал о своей будущей пьесе «Тальянгармонь». Замысел и сюжет мне понравились.

А спустя пять лет в Башкирском академическом театре сбывалась сценическую жизнь та самая «Тальянка» и осталась жить там и поныне.

С тех пор на театральных афишах республики имя драматурга занимает постоянное место. Габдулла Ахметшин верен особому миру своего искусства, где четкая реальность сливается с раскованной сказочностью; своих героев он нередко уводит из пределов будничности в просторы вымысла и фантазии. Но при этом его герои не теряют под ногами почву достоверности. Это можно наблюдать в его более ранних драмах — «Утерянные письма» и «Извилистые дороги», а также в последующих пьесах — «Подвенечное платье» и «Костры на берегу».

Мой товарищ находится не на самом раннем рубеже одолеваемой им дороги. Полдень уже позади. Но наступила пора, когда воображение художника все больше и больше опирается на зрелость его мысли. И я верю, что до конца дней не покинет его та дерзкая надежда сыграть «Лунную сонату». Я знаю его.